УДК 94 (47). 073

Т. В. Андреева

Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство

На революционный вызов Нового времени, поставивший под сомнение не только сакральность монархической власти, но и ее дальнейшее существование, Россия ответила становлением национальной модели либерализма. Русский либерализм, как и его европейские образцы, являлся инструментом обеспечения внутренней безопасности Российской империи, имел с ними схожие и отличительные черты, но оставался самостоятельным явлением. Однако если Европа возрождала и обогащала гуманистические традиции, стремясь усовершенствовать современность, то официальная Россия обращалась к ценностям либерализма с целью ее компенсации.

Пластичность доктрины европейского либерализма как идеологии реформ, способность не только сохранять «инвариантное ядро», но и приспосабливаться к различным условиям способствовали ее адаптации к российским социально-политическим реалиям и культурным традициям. Перенос на самодержавно-крепостническую почву результатов «чужого» цивилизационного опыта приводил к тому, что классические либеральные принципы (эволюционного способа достижения исторического прогресса, законности, конституционного правления и сословного представительства, свободы и прав личности), не подготовленные внутренним развитием, или не приживались, или деформировались, или дополнялись новым содержанием. Это касалось как правительственного, так и общественного либерализма, но в большей степени корректировка либеральных постулатов, относящихся к целям, приоритетам,

механизмам российской модернизации и напрямую связанных с внутренней безопасностью, была характерна для «александровского либерализма».

«Александровский либерализм» или правительственный конституционализм

В XIX в. Россия вступила в обстановке социально-политической нестабильности с неограниченными фундаментальными законами самодержавием, которое было почти «безотчетным единовластием» и потому расшатывало устои государственного строя. Отсутствие в политической концепции Павла I принципа законности обусловило неустойчивость социальной основы самодержавной политической системы и дестабилизацию управленческого процесса.

В силу этого с 1801 по начало 1820-х гг. господствующим официальным дискурсом относительно внутренней безопасности являлась идея константного закона, «основополагающего законодательного акта» или кодекса «неизменных» кодифицированных законов, которые бы обеспечивали устойчивую и безопасную социально-политическую систему Российской империи. Политико-правовая реформа оказывалась в центре правительственной преобразовательной программы. Во время приема 22 июля 1804 г. члена Комиссии составления законов Г. А. Розенкампфа император подчеркивал: «Я желал бы вообще даровать участие всей нации, всем моим народам в пользовании правами граждан, насколько это возможно. Это должно быть определено общим кодексом (книгою законов), который мои предшественники, начиная с Петра I, обещали нации. Вот, мне кажется, чем надлежало бы заняться, прежде всего потому, что оно будет обнимать всё остальное»[1]. Необходимо было не только выйти из кризиса феодального самодержавия, но и перехватить инициативу в конституционном вопросе, в борьбе конкурирующих моделей социально-политического устройства утвердить правительственную, носящую либерально-консервативный характер.

Направленная на укрепление Российского государства (в силу превращения его в абсолютизм Нового времени), «александровская» модель продолжала екатерининскую преобразовательную политику. В ее основе, как при Екатерине II, лежала реформаторская программа, носящая системный характер и базирующаяся на идеологической концепции «законной монархии», которая на практике использовалась прагматично и выборочно. Правительственный конституционализм, внешне опиравшийся на европейскую континентальную правовую систему, внутренне теснейшими узами был связан с кодификационными традициями России, т.е. с созданием Соборного уложения 1649 г., работой по его модификации в виде нового Уложения или «Свода коренных законов» при Петре I и Екатерине II. Главное отличие от французских конституционно-монархических актов 1789 и 1791 гг., основанных на принципах ре-

ального разделения властей и национального суверенитета, состояло в том, что во всех конституционных правительственных проектах александровского царствования суверенитет принадлежал не нации, а монарху, а положение о разделении властей было приспособлено к условиям России. В силу этого «Всемилостивейшую Грамоту, всему российскому народу жалуемую» 1801 г., «План» Александра I и М. М. Сперанского 1809 г. и «Государственную Уставную Грамоту Российской Империи» 1820 г. можно считать не конституцией, а эволюционирующим и агрегирующим опыт польского и финляндского конституционализма, а также генерал-губернаторского эксперимента кодифицированным кодексом. Цель его создания — обеспечение внутренней безопасности путем правового обоснования и институционализации российского абсолютизма, т.е. превращения в «полновесный политико-социальный институт власти»[2].

Важнейшими задачами становились формирование и развитие государственных и общественных институтов, адаптированных к социально-политическим реалиям России. Если первая задача решалась усилением бюрократических механизмов, т.е. созданием высших законосовещательных, полупредставительных органов при монархе, оформлением системы сдержек и противовесов, введением принципов единоначалия в центральной и местной администрации[3], то с реализацией второй было сложнее. Стратегическая установка на безопасное использование классической либеральной модели, стремление Александра I к внешнему ограничению абсолютистской власти обусловливали необходимость существования «псевдопарламентской формы представительства»[4]. Именно этим можно объяснить тот факт, что с 1801 по начало 1820-х гг. происходило официальное усиление социальной активности, существовала правительственная поддержка общественных объединений, в том числе тайных обществ, не были применены репрессивные меры в отношении к политическим нелегальным союзам.

Тайные общества как исторический феномен

Тайные общества, как исторический феномен имевшие многовековую традицию, представляли собой особый тип социально-коммуникационной связи наиболее прогрессивных общественных сил. Сам термин «тайное общество» (Geheime Gesellschaften, les sociétés secrètes) в европейском политическом пространстве получил распространение в конце XVIII в. в связи с обнаружением в 1784 г. в Мюнхене Ордена иллюминатов (просветленных). Орден был учрежден в 1776 г. профессором права Ингольштадского университета Адамом Вейсгауптом (1748–1830), разочаровавшимся в франкмасонстве, не имевшем жесткой конспирации, политической цели, программы ее реализации и тактических установок достижения. Как первое тайное политическое общество, Орден в идеологическом смысле полностью находился в рамках антифеодальной

просветительской концепции прогресса, основанной на теории «естественного права», свободы и природного равенства всех людей. Используя мюнхенские масонские ложи как «подготовительную школу» для иллюминатства, в 1781 г. усилиями высшего совета, или «ареопага», Орден получил устав или «Инструкции», согласно которым у него было две цели: явная просветительская, известная всем членам и тайная политическая, которую знали только «правители», «ареопаг» и «верховный правитель», состоявшая в подготовке условий для создания нового мирового порядка, основанного на «полной и совершенной эмансипации человека и человечества». Препятствием для достижения второй цели объявлялись религия, феодально-абсолютистские государства, сословные различия, которые следовало уничтожить и таким образом «освободить народы от государей, дворянства и духовенства». Рассчитанная на десятки лет и несколько поколений, политическая цель иллюминатов представляла собой одну из просветительских утопий, имевших широкое распространение в конце XVIII в. Для ее достижения А. Вейсгаупт и его ближайшее окружение взяли на вооружение иезуитскую тактику, считая, что переход к новому миропорядку должен происходить, хотя и ненасильственным, но конспиративным путем, т.е. посредством тайного общества. Предполагалось, что это произойдет не только увеличением числа членов Ордена, но и внедрением их во все государственные структуры, т.е. постепенной ненасильственной заменой нелегальным союзом государства[5].

После Великой Французской революции в Европе «вспомнили» об Ордене: либералы видели в нем первое тайное политическое общество, боровшееся с феодально-абсолютистской системой за установление более совершенного государственного и общественного строя, консерваторы — одного из «виновников» революции. Причем со стороны европейской публицистики консервативного толка иллюминатство подверглось концептуальной критике. В 1797–1798 гг. в свет вышел труд аббата А. де Баррюэля по истории якобинства, в котором впервые была сформулирована концепция тайного общества как заговора. Французская революция объявлялась результатом заговора «софистов» «безбожия», «возмущения» и «безначалия». К ним причислялись французские просветители, члены масонских лож, иллюминаты и якобинцы. Утверждалось, что якобинцы, будучи ответвлением иллюминатов, создали тайное общество, целью которого являлось разрушение государственных и общественных институтов, уничтожение христианского учения во всей Европе. Их «объединенные последователи» и после термидорианского переворота продолжали «плести свой тройной заговор против алтаря, трона и общества», учредив «всеевропейский заговор революционеров» и стремясь уничтожить все правительства и «завоевать мир»[6].

Концепция заговора Баррюэля была направлена против радикально-политической составляющей масонства, она должна была утвердить в европейском политическом сознании мысль, что все антиправительственные выступления

являются явным видимым результатом действий внутреннего невидимого врага в каждом государстве и подвергнуть сомнению, переосмыслению и даже дискредитации либерально-просветительскую идеологию, лежавшую в основе конспиративного общественного движения.

Так возникла и получила распространение мифологема «всеевропейского заговора революционеров», которая использовалась правительствами ведущих европейских стран весьма прагматически для решения идеологических, внутри- и внешнеполитических задач. Тем не менее, послереволюционная Европа стремительно вступала в эпоху тайных обществ, «матрицей» которых был Орден иллюминатов, который для разных модификаций конспирации и в различные исторические эпохи развития конспиративного движения являлся первоосновой в определенных сферах, т.е. выборка необходимых принципов и идей делалась из иллюминатского «наследия».

С начала XIX в. тайные общества превратились во всеевропейский феномен, имевший единые характерные черты во всех его национальных вариациях. Это была система, включавшая социально-культурный аспект, идеологическую конструкцию, общественную и индивидуалистическую составляющие. В социально-культурном аспекте нелегальные союзы представляли собой новую форму коммуникации наиболее активных и образованных социальных сил, которые, стремясь вырваться из узких пределов феодальных государственно-политических институтов и сословно-культурных традиций и сформировать новую буржуазную структуру общественных отношений, в качестве альтернативы официальной легальной стороне жизни предпочитали неофициальную нелегальную. Идеологической основой конспирации являлась философия Просвещения. Определяющее влияние на конспиративное движение оказал либерально-просветительский принцип естественных и неотъемлемых прав человека и гражданина, понимаемый широко не только как гражданская, политическая, религиозная, но и индивидуальная свобода, сущность которой заключалась в свободе выбора досуга, возможности общения. Актуализированной оказалась и либерально-просветительская концепция прогресса мирным, эволюционно-реформаторским путем, через развитие общественных и государственных институтов. В условиях ограничения легальных возможностей воплощения идеалов Просвещения модель конспиративного объединения, созданная в эпоху кризиса феодальных отношений в Европе и поиска новых форм выражения социальной активности, рассматривалась как действенный механизм их реализации. Именно нелегальная деятельность, выходящая за официальные рамки, должна была способствовать осуществлению стремления человека Нового времени к внешнему (изменить мир) и внутреннему (воспитание, просвещение, развитие) преображению. Нелегальные союзы становились и «культурной моделью», соединяющей мир индивидуальности и мир большой политики и олицетворяющей новый тип общественных связей на макроуровне (человек, общество, государство) и микроуровне (человек–человек)[7].

Несмотря на то что данный феномен выходил за пределы политики, повсеместное распространение в 1810-х гг. получили политические тайные общества (испанские и итальянские карбонарские венты, греческое общество «Филики Этерия», немецкие и французские союзы, декабристское «Тайное общество»). Это стало результатом наполеоновских войн, посленаполеоновского «строительства» новой европейской системы, а также утверждения романтизма в европейской культуре. Направленные на достижение политической свободы и национальной независимости, они стали наивысшей точкой развития конспиративного движения в Европе.

Тайные общества в России в первой четверти XIX в.

Движение тайных обществ в России в первой четверти XIX в., обусловленное социальными процессами и являвшееся составной частью общей проблемы «власть, общество, реформы», отражало различные пути правительственных и общественных преобразовательных поисков. Типологически конспирация состояла из разрешенных правительством нелегальных объединений, к которым до 1822 г. относились масонские ложи шведской системы, и неразрешенных. Последние состояли из неполитических, полуполитических и политических организаций. По своему внешнему оформлению (таинственности, обрядности, символике, атрибутике) они являлись следствием развития масонства. В отношении внутренней формы деятельности (постоянные собрания, обсуждение, общение) использовалась практика открытых научных, литературных, экономических обществ, отличавшихся жизнеспособностью и устойчивостью. Наличие уставов и программ деятельности в большей степени было характерно для политических союзов. Существование в продолжение всего александровского царствования различных типов конспиративных объединений отражало не только общественный подъем, спровоцированный правительством, но и разную направленность дворянской социально-культурной активности.

Для различных модификаций тайных обществ в России первоосновой в разных сферах — идеологической, организационной, политической, программно-стратегической и тактико-методической — также являлся Орден иллюминатов. Однако в отличие от европейских нелегальных организаций, чаще всего направленных на внешнее переустройство, и их членов, объединявшихся в союзы для его достижения, выбор российскими современниками типа тайного общества определялся не столько его политическими целями, сколько возрастным, социальным и национальным составом. Кроме этого, существовали культурологический и индивидуально-психологический аспекты отечественной конспирации, когда различные культурно-поведенческие ассоциации и индивидуальные черты личности определяли избрание одной или нескольких составляющих в «системном блоке» тайного общества. Конспиративность как тип социальной свя-

зи также давал ее адептам чувство соузности, защищенности, корпоративности. Как писал А. И. Герцен, «они (т.е. конспираторы. — *Т. А.*) жили задней мыслью, у них было сознание совокупного труда. Член союза, член тайного общества чувствует себя не одиноким сиротой, а живой частью живого организма»[8].

Знаковым рубежом в развитии конспиративного движения в России являлся период перед Отечественной войной и время европейского похода, когда появились первые неполитические и полуполитические нелегальные организации, являвшиеся предшественниками декабристских союзов. Трансфер идей, труд аббата А. де Баррюэля, помимо воли автора пропагандирующий в России принципы и образы конспирации, делали модель тайного общества весьма привлекательной, прежде всего для представителей просвещенной элиты армии, которые с его помощью намеревались стать «историческими личностями» или реализовать свою идеальную мечту изменить мир. В наибольшей степени это было характерно для юношеских организаций предвоенной поры и обусловливалось тем, что процесс утверждения романтизма в русской культуре усиливал стремление молодого поколения к романтической модели мироощущения и общественного поведения.

В 1811 г. в Петербурге в Свите по Квартирмейстерской части (будущем Генеральном штабе ЕИВ) были созданы «Юношеское собратство» и общество «Рыцарство». Оба союза оказались немногочисленными (около 10 человек), состояли из штабных младших офицеров, носили дружеский, досуговый характер, не имели уставов и политических программ. В «Юношеское собратство» или общество «Чока» (1811–1812) во главе с Н. Н. Муравьевым (позднее членом Союза благоденствия, генерал-майором, «героем Карса»), созданное под влиянием идей «общественного договора» Ж. — Ж. Руссо, входили будущие члены декабристской конспирации — А. З. Муравьев и М. И. Муравьев-Апостол, братья В. А. и Л. А. Перовские. Товарищество, восприняв утопическую идею Ордена иллюминатов, намечало через пять лет «удалиться» на остров Чоку в Тихом океане недалеко от Японии, чтобы «образовать жителей острова и составить новую республику». Для подготовки этой акции проводились постоянные собрания, на которых читались и обсуждались записки членов, была введена знаковая система членства в обществе («синие шаровары, куртка и пояс с кинжалом, на груди две параллельные линии из меди в знак равенства»). И хотя имелась попытка создания устава, сам Н. Н. Муравьев-Карский позже в своих записках называл всё это «ребяческим бредом»[9]. Тот факт, что «чокисты» не рассматривали свое общество как политический инструмент влияния на власть и механизм достижения цели, а использовали лишь утопическую и атрибутивную рецепцию иллюминатства, делает их деятельность аполитичной.

Общество под названием «Рыцарство» (1811–1813) во главе с прапорщиком И. А. Рамбургом, который предлагал объединиться с «Юношеским собратством», также не оставило никаких документальных свидетельств о своем существовании. Косвенные данные о нем отложились в дневниках некоторых

участников союза — Н. Д. Дурново (позже генерал-майора, погибшего при Шумле) и А. А. Щербинина. Важнейшей установкой «рыцарей», близких «чокистам» по социальному, возрастному и профессиональному составу, являлась идея создания нового мирового порядка, заимствованная у иллюминатов[10]. Этот неполитический тип тайного общества был близок к преддекабристскому «Ордену русских рыцарей» (1814–1818), основатель которого — М. Ф. Орлов, являлся товарищем Н. Д. Дурново.

Та же среда молодого офицерства Свиты доминировала в конспиративном сообществе, действовавшем во время перемирия в мае–сентябре 1813 г. в Германии и руководимом подпоручиком бароном Е. Ф. Мейендорфом (позже генералом от кавалерии на российской службе). Данный союз (1813–1814), также имевший в своем составе не более 10 членов немецкого происхождения, уже обладал элементами политической организации, поскольку стремился к «распространению... общества для того, чтобы со временем иметь влияние на государственное управление... на государственных чиновников».[11] Востребованность иллюминатской тактической установки на административно-социальное расширение конспирации и сходство с «сокровенной» целью Союза благоденствия дают основание трактовать его как переходную модель, т.е. полуполитическую нелегальную организацию.

К числу полуполитических нелегальных организаций следует отнести и литературное «Арзамасское общество безвестных людей» или знаменитый «Арзамас» (1815–1818). Его создание стало реакцией интеллектуальной элиты русского общества на подписание Акта Священного союза, а деятельность была направлена на реализацию правительственного модернизационного проекта[12]. Как и легальные общественные объединения и масонские ложи либерально-просветительского толка, «Арзамас» являлся «помощником» правительства в деле подготовки умов к предполагаемым реформам «сверху». Ведь его главной задачей определялось «распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящее, но могущих приготовить будущее»[13].

Подобного рода полуполитические нелегальные союзы, имевшие различную идеологическую направленность, формировались в провинции и на окраинах Российской империи. Так, немногочисленные тайные организации — «Черные братья» в Крожском военном училище и «Учебно-моральный союз» в г. Свислоче Виленской губернии и многочисленные (более 100 членов) конспиративные общества — «Филоматы» и «Филареты» в Виленском университете, обнаруженные в 1824 г., основным стержнем которых была польско-литовская гимназическая, военная и студенческая молодежь, носили национально-освободительный и агитационно-пропагандистский характер[14].

В послевоенный период, когда великая победа над Наполеоном давала новые надежды («вся Россия ожила новой жизнью! Всем было легко и свободно, и все веселились»[15]) в общественном движении стала доминировать практика созда-

ния неполитических тайных обществ (досуговых, игровых, подражательных, пародийных), т.е. так называемых мнимых тайных обществ. Их конспиративность была относительной, число превосходило политические, а модель тайного союза рассматривалась членами, которыми были главным образом представители молодого поколения аристократической и интеллектуальной элиты как механизм самореализации, инструмент освобождения от бытовой помещичьей рутины, форма организации общения и проведения досуга. К данному типу нелегальных обществ можно отнести организации, существовавшие в столицах и провинции. В Петербурге: «Общество мстителей» (1814–1816), созданное в Пажеском корпусе юным Е. А. Баратынским в подражание шиллеровским «Разбойникам»; «Общество квилков» (неких. — *Т. А.*) (1819–1822), учрежденное там же пажом А. Н. Креницыным для ограждения воспитанников корпуса от несправедливых взысканий начальства; знаменитая «Зеленая лампа» (1818–1820), в которую входили как руководители Союза благоденствия, так литераторы, чиновники и офицеры близкого к ним круга; «Общество друзей признательности» и «Вольное общество любителей прогулки» (1820–1822), участники которых, главным образом литераторы (В. И. Панаев, А. М. Княжевич и др.), давали клятву гулять пешком, узнавая друг друга, как и масоны, по особым образом носимому лорнету[16]; «Тайное общество свиней» (1822–1824), имевшее гомосексуальный характер и отражавшее стремление не только к свободе проведения досуга, но и вольности в сексуальных отношениях[17]. В Москве: «Общество кавалеров пробки» (1815–1817), открытое И. П. Буниным для совместных застолий. По образцу масонской символики его члены, а это были знаменитые москвичи — П. А. Вяземский, Д. А. Давыдов, В. Л. Пушкин, Ф. И. Толстой и др. — носили особый знак — винную пробку в петлицах. В Петрозаводске: общество «Французский парламент» (1821–1826), созданное в подражание современным ему сословно-представительным реалиям Франции эпохи Реставрации[18].

Как видим, важнейшим мотивационным основанием создания первых неполитических и имевших политические элементы российских тайных обществ явились практика западных моделей публичной жизни и отсутствие возможности легального проявления общественно-политической активности. При этом декабризм, генетически зародившийся не просто в офицерской среде, а в среде штабной, являлся составной частью, с одной стороны, общеевропейского национально-освободительного движения, а с другой — общественной либерализации в России. При своем зарождении он шел общими для большинства тайных российских нелегальных объединений путями: от дружеского досугового союза к мирной политической оппозиции, имел схожие и отличительные черты как с современной ему европейской конспирацией, так и отечественными недекабристскими обществами. При всей универсальности природы декабризма, воспринявшего основные иллюминатские идеи (наличие двух целей — явной просветительской и «сокровенной» политической, тактика постепенной ненасильственной замены нелегальным союзом государства путем внедрения

своих членов в государственные структуры), заимствовавшего организационный и политический опыт Тугендбунда, востребовавшего модель испанской военной революции, он выделяется: исключительно офицерским социальным составом; уставными документами и программами социально-политического переустройства страны; при наличии нескольких типов конспирации меньшей закрытостью и иерархичностью; гибкой тактикой воздействия на верховную власть и дворянское общество в целях усиления или реанимации правительственного и общественного либерализма; ретроспективным утверждением исторической закономерности появления своего «Тайного общества», социально-экономическим и социально-политическим обоснованием его деятельности[19].

Для декабристов был характерен и менее рациональный, чем у адептов европейской политической конспирации, взгляд на проблему терроризма, в рамках которой стоял вопрос о цареубийстве. Замысел убийства Александра I, впервые предложенный М. С. Луниным в 1816 и сохранившийся до 1825 г., несколько раз меняя свой антураж и предполагаемых исполнителей, находился в разных культурно-политических парадигмах, вначале — в рамках античной идеи тираноборчества и поисков путей преобразования России. Однако даже вызов И. Д. Якушкина на цареубийство в 1817 г. не являлся способом достичь конституционно-представительного правления и «сознательным выбором революционного пути», который еще не был определен. Мысль об убийстве Александра I, будучи «индивидуальным порывом одного члена общества», вскоре была отвергнута большинством[20]. Новый этап декабристского движения, начавшийся с 1821 г. и характеризующийся заменой античной идеи моделью европейских военных революций, выдвинул в замысле цареубийства на первый план фигуру жертвы, а не исполнителей. С этим связана идея П. И. Пестеля 1823 г. об убийстве всей царской семьи «обреченным отрядом», чтобы «avoir maison nette» (иметь чистый дом. — *Т. А.*). Однако желающих вступить в него среди декабристов не оказалось, а сама идея с полным пониманием всей преступности этой акции была отвергнута большинством членов «Тайного общества» и вытеснилась либерально-просветительским принципом естественных и неотъемлемых прав каждого человека не только на свободу, но и на жизнь[21]. Как видим, решение о цареубийстве каждый раз оказывалось не тактической установкой «Тайного общества», а являлось спонтанной реакцией отдельных членов, основанной на различной комбинации обстоятельств и настроений.

Политика Александра I в отношении движения тайных обществ в России

Официальная позиция в отношении нелегальных союзов, имевшая внутреннюю периодизацию и формировавшаяся всякий раз под влиянием новых изменившихся обстоятельств, определялась моделью правительственной ре-

форматорской политики и была теснейшим образом связана с проблемой государственной безопасности. В первый период (1801 — начало 1820-х гг.) модель преобразований, являвшаяся логическим продолжением официального реформаторства второй половины XVIII в. и направленная на укрепление российской государственности, имела целостный, программный, взаимосвязанный и системный характер. Тактическим средством достижения данной стратегической цели, механизмом перехода к более совершенным формам государственного и общественного устройства определялся правительственный конституционализм, который наследовал концепцию «законной монархии», развивал Жалованные грамоты и шел в русле кодификационных начинаний Екатерины II. Важнейшими новациями Александра I были корректировка и даже подмена либерально-просветительских постулатов, адаптация их к российской национальной специфике. Это находило выражение в стремлении императора облечь в передовую западноевропейскую форму конституции законодательное закрепление российского абсолютизма Нового времени кодифицированным кодексом государственных «законов непременных»; а также в подмене проблемы представительства проблемой общественного мнения.

Причем последняя проблема в представлении Александра I и взглядах просвещенной элиты дворянства, в том числе организаторов декабристской конспирации, была тесно связана с вопросом о тайных обществах в России. С точки зрения создателей, идеологов и видных членов «Тайного общества» декабристов, одной из форм выражения общественного мнения, а главное — важным фактором реформаторского процесса является их нелегальный политический союз. Но и Александру I до начала 1820-х гг. общественные объединения, являвшиеся выразителем общественного мнения, в том числе тайные общества, также казались удобным просветительско-преобразовательным механизмом. Предполагаемое превращение неограниченного законами самодержавия в конституционную «законную» монархию, установление новой системы взаимоотношений, основанной на принципе законности, требовали просвещения, прежде всего дворянства под контролем правительства. Необходимость соответствия политико-правовой реформы уровню развития дворянского общества обусловливала правительственную активизацию общественной либерализации. Являясь тактической установкой, направленной на идеологическую подготовку преобразований, она была подчинена задачам сохранения социального мира и внутренней безопасности Российской империи.

Итак, официальная поддержка объединений всех видов (легальных и нелегальных), работавшая до европейских революций и связанная со стремлением Александра I к внешнему ограничению абсолютистской власти, реализовывала подмену учреждения представительства развитием общественного мнения. Надо думать, именно отказ от создания Государственной думы ставил вопрос об институтах, которые являлись бы его выразителем и обладали квазипредставительскими функциями. Ведь по замыслам авторов «Плана»

1809 г. — Александра I и М. М. Сперанского, Дума «хотя и не могла совершать своих положений без державной власти, но чтоб мнения ее были свободы и выражали бы собою мнение народное»[22]. Помимо этого, в официальной позиции по отношению к тайным обществам, как и к легальным организациям, просматривается влияние просветительской идеи о взаимосвязи принципов законности и естественных и неотъемлемых прав человека и гражданина, стремление Александра I ничем не ущемлять гражданские права на неформальное общение, проведение досуга и реализацию социальной активности. Во всяком случае, Ж. де Местр именно так объяснял проблему конспирации, говоря, что «император не без удовольствия согласился на открытие лож (имеется в виду высочайшее повеление 1810 г. о «возобновлении масонских лож». — *Т. А.*); он уступил непобедимому для него отвращению чем бы то ни было стеснять личную свободу своих подданных и мешать им устраивать свой быт, как они хотят»[23].

Это воплощение принципов гражданской свободы задавало правительству алгоритм действия. Поскольку нелегальные объединения различных типов — разрешенные и не разрешенные правительством — рассматривались как удобный инструмент идеологической подготовки реформ, то власть стремилась не только контролировать их деятельность, но придать им открытость и государственное значение. В 1810 г., вероятно, по поручению Александра I и под влиянием плана масонской реформы И. — А. Фесслера, М. М. Сперанским был предложен проект создания российского «государственного масонства» в виде записки на Высочайшее имя. Не сохранившаяся в полном объеме, она представлена в виде выписок Г. В. Вернадского, отложившихся в ГА РФ[24] и использованных современными исследователями[25]. В ней Сперанский, критически характеризуя масонство всех систем, поскольку его «цель в самом себе противна единству властей, следовательно, интересам Правительства», идеология являлась «главным средством, употребляемым делателями революции», а конспиративность не отвечает признакам общественных объединений, деятельность которых не требует тайны, но, осознавая масштаб движения, предлагал использовать масонский потенциал в государственных интересах. Для этого необходимо было вписать масонство в государственную систему как идеологический инструмент духовного, нравственного, гуманитарного воспитания «нации». Подразумевалось объединение всего масонского движения, подчинение его координирующему центру под «присмотром» правительства, придание легального характера деятельности большей части лож, очищение их от дестабилизирующих тенденций, приспособление внутренней и внешней работы к задачам конституционного «строительства»[26].

Однако двойственное отношение к конспирации, характерное для носителей верховной власти ведущих европейских стран, нашло отражение в проекте правительственного циркуляра от октября того же 1810 г., отправленном Министерством полиции руководителям всех масонских лож. Согласно проекту, имевшему в своем основании указ Фридриха-Вильгельма III о тайных обще-

ствах, предполагалось: запретить те нелегальные организации, которые базировались не на официальной просветительской идеологии, а на принципах масонского ордена; были направлены на обсуждение политических вопросов, прежде всего связанных с государственными преобразованиями; вели пропагандистскую деятельность. Руководители лож обязывались предоставлять списки своих членов и доносить об известных им новых нелегальных союзах[27]. К началу 1810-х гг. относится и «Проект условий существования обществ, товариществ, братств и других организаций» всех типов, которые должны были находиться под контролем правительства. Здесь также говорилось о запрещении деятельности обществ, где имели место рассуждения «о предполагаемых в государственном правлении переменах или... они существуют под маской таинственности... имеют скрытую цель». Как видно, власть, сохраняя общественные нелегальные объединения разного типа, стремилась к уничтожению основы их «культурного стереотипа, формообразующего признака — конспиративности»[28].

Второй период (начало 1820-х — 1825 г.) правительственной политики в отношении к тайным обществам, обусловленной новой моделью преобразований и связанной с проблематикой государственной безопасности, характеризуется усилением консервативно-охранительных тенденций. Модель реформаторского процесса, присущая «закату» александровского царствования, предполагала теперь не «прорыв» к новому более совершенному государственному и общественному устройству посредством правительственного конституционализма, а постепенное преобразование и дополнение действующих институтов структурами, способными «установить законность и обеспечить порядок на местах». В этот период формируется и новый тип управления, когда в руках самого Александра I всё более сосредотачивалось руководство всеми государственными делами[29].

Во многом это обусловливалось необходимостью обеспечения внутренней безопасности страны, связанной с деятельностью тайных обществ. Ужесточение правительственной политики в отношении к нелегальным союзам разных типов имело в своем основании как объективные, так и субъективные причины, возникшие в результате внутриполитических процессов и изменений внешнеполитической конъюнктуры, а также психологического кризиса Александра I последних лет его жизни. Помимо увлечения мистицизмом и поисков утешения в религии, связанных с морально-нравственной рефлексией в связи с убийством Павла I, отступление от идеологии последовательного и системного реформирования России на «законно-свободных установлениях» стало в эти годы для Александра Павловича решающим и вызывало разочарование и «утомление жизнью». И всё же доминирующим при выявлении причин отказа Александра I легализовать общественную активность в форме тайных обществ был объективный фактор, связанный с изменениями внутри- и внешнеполитических условий.

Изменению отношения Александра I к феномену тайных обществ во многом способствовало неожиданное для него чрезвычайное происшествие — восстание элитного и любимого императором полка — Семеновского (16–18 октября

1820 г.). Семеновская история не только усилила консервативные тенденции в политическом мировоззрении императора, но обострила внимание правительства к вопросам внутренней безопасности и способствовала формированию системы административных «идей и практик, позволяющих оперативно реагировать на вызовы социальной нестабильности»[30]. Александр I узнал о «военном мятеже» в столице во время Троппауского конгресса, 19 октября 1820 г., что усугубило его впечатление. Это не было восстанием в политическом смысле, а являлось отражением отсутствия военной дисциплины в войсках после наполеоновских походов. Тем не менее император воспринял Семеновскую историю как плод деятельности российских заговорщиков, направляемых из некоего невидимого разрушительного европейского центра революционеров. Несмотря на единодушное противоположное мнение военного командования в столице, Александр I твердо верил, что «зло пришло извне от карбонариев»[31]. Так устойчивая радикально-политическая репутация и антигосударственная направленность конспиративного движения всё сильнее укреплялась в сознании императора, которому сама идея революции — «сверху» или «снизу» — теперь не представлялась законной и оправданной. «Устрашенному карбонаризмом» Александру I казалось, что нет иных тактических средств усиления боеспособности армии и сопротивления западноевропейским революционным идеям, как формирование новых средств укрепления государственной безопасности. Еще находясь на конгрессе в Лайбахе в январе 1821 г. он санкционировал создание особой военной полиции при Гвардейском корпусе в столице, которая должна была собирать сведения не только о происшествиях в войсках, но главное — «о расположении умов, о замыслах и намерениях» офицеров. Государственность могла быть укреплена и усовершенствована усилением правительственного надзора за общественными процессами, прежде всего происходящими в военной среде.

Но и в Европе было неспокойно. К началу 1820-х гг. конституционно-либеральное движение нелегальных политических организаций привело к радикализации позиции союзнических правительств в отношении модели тайного общества и перерождению Священного союза. Уже на первом конгрессе Союза в Ахене (29 сентября — 22 ноября 1818 г.) вопрос о борьбе с ним оказался приоритетным. Два наиболее авторитетных политика посленаполеоновской эпохи — Александр I и К. Меттерних — предложили использовать Священный союз как общеевропейский монархический инструмент борьбы с международной солидарностью, как им казалось, политических нелегальных союзов, всё в большей степени превращавшихся в дестабилизирующий фактор формирующейся системы «европейского равновесия». Главы пяти держав — России, Австрии, Пруссии, Англии и Франции — подписали секретный протокол о принципе вмешательства союзников во внутренние дела любого европейского государства в случае возникновения в нем революционного движения. Военные революции в Испании, Португалии, Неаполитанском и Пьемонтском королевствах в 1820–1821 гг., подготовленные испанскими, португальскими и итальянски-

ми карбонарскими вентами, потребовали созыва нового конгресса, который начался в Троппау (10 октября — 29 ноября 1820 г.) и завершился в Лайбахе (11 января — 2 мая 1821 г.). На конгрессе, где приоритетным был итальянский вопрос, были подписаны новые секретные протоколы об интервенции, однако требовался официальный «призыв о помощи» правительств южноевропейских стран. И он был получен. В силу этого союзниками принято решение об интервенции итальянских королевств союзными войсками. Причем Александр I, чтобы отвлечь армию от внутренних проблем после Семеновской истории, был намерен отправить в Италию генерала А. П. Ермолова со стотысячной русской армией, но ограничился отправкой столичной гвардии. Однако нежелание российского офицерства вести войну против итальянцев остановило императора. Дойдя до Прибалтики, гвардия была возвращена в Петербург. Позиция Англии и особенно Австрии, стремившейся не к коллективной интервенции, а к индивидуальной внутренней акции, решила дело: австрийские войска 23 марта 1821 г. взяли Неаполь, а 18 апреля того же года — Пьемонт [32].

Для российского императора и европейских монархов подобный подход находил подпитку как в секретной информации о цареубийственных планах российских инсургентов и заговоре радикалов в английском парламенте, которые намеревались расправиться с кабинетом министров, так и в серии индивидуальных терактов. 13 февраля 1820 г. рабочим П. — Л. Лувелем было совершено убийство Шарля-Фердинанда, герцога Беррийского, сына будущего короля Франции Карла X, которое во французском общественном мнении было воспринято как начало мощных социальных потрясений. В 1817 г. в Пруссии начались студенческие волнения, завершившиеся 23 марта 1819 г. убийством в Мангейме студентом К. — Л. Зандом известного русского литератора и дипломата немецкого происхождения А. — Ф. фон Коцебу, слывшего реакционером и тайным агентом России. В этой связи на Карлсбадской конференции министров государств Германского союза (6–31 августа 1819 г.), созванной по инициативе Меттерниха, были приняты «Соглашения», утвержденные бундестагом. Они запрещали студенческие корпорации, вводили институт специальных уполномоченных, которые осуществляли строгий надзор за студентами и преподавателями, заподозренными в неблагонадежности. Самим инициатором «Соглашений», «канцлером Европы» индивидуальные теракты были восприняты как реализация «обширнейшего плана восстания», происки европейского либерализма, который направляет убийц. Трагедии были использованы Меттернихом в качестве весомого аргумента, чтобы в политическом сознании монархов-союзников реанимировать идею А. де Баррюэля о «всеевропейском заговоре революционеров» с руководящим центром в Париже [33].

Надо сказать, что баррюэлевскую концепцию «всеевропейского заговора революционеров» в своей политической практике до начала 1820-х гг. Александр I использовал весьма прагматично, его антиреволюционная активность носила выборочный характер, обусловленный дипломатическими задачами

и колебаниями политических конъюнктур внутри России и за границей.[34] Однако в 1820–1821 гг., получившая новое дыхание в меморандумах Меттерниха, его тревога о происках либералов попала на благодатную почву. В своих «Кредо» и «Кредо-2» в виде писем Александру I от 15 декабря 1820 и 6 мая 1821 г. австрийский канцлер стремился убедить императора, что европейские революции в своем основании имели либерально-просветительские идеи и принципы, несущие разрушение и ниспровергающие традиционные ценности законного порядка и общественного спокойствия. Носителями и распространителями «моральной гангрены» являются тайные союзы, объединяющие интеллектуальную часть европейского общества, а греческое восстание — ответвление революционного процесса и составная часть «грандиозного плана общеевропейского заговора революционеров»[35].

При этом сами революционные события, вкупе с меттерниховскими идеями, утверждали Александра I в мысли о наличии заговора. Получив первое известие о восстании греческих патриотов 24 февраля 1821 г. в Лайбахе, т.е. еще до получения «Кредо-2», император писал кн. А. Н. Голицыну: «Нет никаких сомнений, что побуждение к этому возмущению было дано тем же самым центральным распорядительным комитетом [Comité Central Directeur] из Парижа с намерением устроить диверсию в пользу Неаполя и помешать нам разрушить одну из этих синагог Сатаны, устроенную с единственной целью: проповедовать и распространять антихристианское учение. Ипсиланти сам пишет в письме, обращенном ко мне, что принадлежит к секретному обществу, основанному для освобождения и возрождения Греции. Но все эти тайные общества примыкают к парижскому центральному комитету. Революция в Пьемонте имеет ту же цель — устроить еще один очаг, чтобы проповедовать ту же доктрину и парализовать воздействие христианских начал, исповедуемых Священным Союзом»[36]. Факт существования международного центра заговорщиков-революционеров в Париже находил подтверждение и в доносе 1821 г. на Союз благоденствия секретного агента М. К. Грибовского, после прочтения которого император подчеркивал: «Все эти люди соединились в один общий заговор, разбившись на отдельные группы и общества, о действиях которых у меня все документы налицо, и мне известно, что они действуют солидарно»[37].

Задевавший геополитические интересы Австрии и Англии греческий вопрос стал предметом пристального внимания субъектов Священного союза на конгрессе в Ганновере (20–29 октября 1821 г.), но без участия России. Единодушное англо-австрийское стремление удержать Александра I от войны с Турцией имело успех: император перестал вмешиваться в «греческое дело». Однако это не было следствием давления союзников и прежде всего Меттерниха. Греческое восстание поставило перед российским монархом дилемму: либо помочь единоверцам и тем самым содействовать революции, дестабилизировать еще сильнее социально-политическую обстановку в Европе; либо предоставить греков их собственной участи и этим ослабить позиции России на Востоке.

И Александр I выбрал второй путь: «Если мы ответим туркам войною, парижский главный комитет восторжествует, и ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен предоставить свободу врагам порядка»[38]. Последний Веронский конгресс (20 октября — 14 декабря 1822 г.) был посвящен сугубо испанским делам. Причем именно российский император в данном случае первым настаивал на отправке союзных войск в Испанию на защиту Фердинанда VII. Это было связано не только с просьбой о помощи испанского короля[39], но прежде всего с изменением позиции российского императора в отношении испанской революции.

Следует подчеркнуть, что и германский опыт борьбы с национально-патриотическим движением, нашедший отражение в Карлсбадских соглашениях, был востребован Александром I в решении проблем, связанных с агитационно-пропагандистской деятельностью упоминаемых нелегальных польско-литовских молодежных союзов — «Черные братья», «Учебно-моральный союз», «Филоматы» и «Филареты». При этом политическая самодеятельность учащейся молодежи в Западном крае не только использовалась верховной властью для усиления правительственного контроля над университетским образованием, но и усилила официально-охранительные тенденции.

Александр I и декабристы

Александр I, с 1818 г. зная о существовании политического «Тайного общества» в России, намерении его левого крыла использовать радикальные способы борьбы за конституцию, цареубийственных планах «заговорщиков», не проводил репрессивные мероприятия, а делал ставку на агентурную работу по сбору информации и поиску программных и уставных документов. Даже в 1822 г., уже после рескрипта о закрытии всех тайных обществ в России, когда генерал-адъютант А. И. Чернышев представил ему копию устава Союза благоденствия — «Зеленой книги», подчеркнув его сходство с уставом Ордена иллюминатов, император заметил, что «совпадения весьма невелики» и не стоит беспокоиться[40]. Однако отказ Александра I от политики репрессий основывался не на его принципиальной толерантности, а на прагматике государственных интересов, напрямую связанных с внешней и внутренней безопасностью империи[41]. В обстановке международной нестабильности гласный судебный процесс был невыгоден императору, стремившемуся строить взаимоотношения с западными партнерами на условиях доминирования России в европейской политике. Провал российской дипломатии в греческом вопросе еще более актуализировал это стремление. Поскольку все европейские революции 1820-х гг. были подготовлены адептами политической конспирации, то публичное признание деятельности российского политического «Тайного общества» умалило бы державное могущество Российской империи, которую также «легко возмутить».

Важнейшим мотивационным основанием отказа Александра I от силового решения проблемы стало наличие секретных протоколов конгрессов Священного союза о праве вмешательства союзных правительств во внутренние дела субъекта союза, если в нем зафиксировано оппозиционное движение. Что касается внутриполитического среза, то он также имел несколько аспектов. Самый информативно насыщенный донос на Союз благоденствия Александр I получил от члена общества и тайного агента М. К. Грибовского, но в нем говорилось о либерально-просветительском обществе, направленность деятельности которого совпадала с правительственными планами долговременной социально-экономической и идеологической подготовки к проведению кардинальных реформ. Более того, Союз являл собой политическую организацию, которая не только не была революционной, антиправительственной, но и стремилась поддержать и укрепить реформаторские устремления верховной власти[42]. Донос М. К. Грибовского способствовал, хотя «спокойному», но всё же осторожному отношению Александра I к «Тайному обществу», вселил уверенность в его могущество и финансовые возможности. Поскольку с января 1821 г. «Тайное общество» внешне было распущено и документы якобы уничтожены, доноситель советовал не доводить дело до «судебного исследования», а избрать тактику секретного наблюдения за указанными в доносе лицами и их связями.

Военное командование в Петербурге — начальник Главного штаба ЕИВ П. М. Волконский и военный губернатор северной столицы М. А. Милорадович, а также министр внутренних дел В. П. Кочубей с ноября 1820 г. имели агентурные сведения о деятельности «Тайного общества». Однако, считая сведения доносителей (А. Н. Ронова и И. М. Юмина) ложными, они невольно дезинформировали Александра I. Военачальники 2-й армии — П. Х. Витгенштейн, П. Д. Киселев, И. В. Сабанеев, с 1822 г. также информированные о деятельности членов политической конспирации в своих войсках, стремились уйти от ответственности и обезопасить себя от обвинения в «разложении» армии. В донесениях в Петербург они демпфировали политическую составляющую дела и усиливали дисциплинарную. Провокационная акция А. К. Бошняка по внедрению в Южное общество генерала И. О. Витта провалилась, а деятельность И. В. Шервуда не была реализована до конца. В этой ситуации Александр I не только не стремился использовать репрессивные мероприятия, но был склонен вернуться к мысли о создании подконтрольных власти общественных тайных ассоциаций, подобных тому, какие он вместе с М. М. Сперанским замышлял 1810 г. для «оздоровления нации» накануне Отечественной войны. Во всяком случае, об этом свидетельствует реакция императора на утопический проект 1824 г. Д. И. Завалишина о создании Ордена восстановления для борьбы с «нехорошими обществами»[43].

И всё же информация о деятельности «Тайного общества» в России, возмущение элитного российского полка и военные революции в Центральной и Южной Европе обусловили ужесточение правительственной политики в от-

ношении к конспиративному движению. 1 августа 1822 г. Александр I подписал рескрипт на имя В. П. Кочубея о запрещении деятельности всех тайных обществ в России. Однако в основании принятия этого решения лежала не столько мифологема «всеевропейского заговора революционеров», сколько ряд внешнеполитических условий и внутриполитических причин. В начале 1820-х гг. изменилась ситуация в Европе. Пацифистская утопия Священного союза оказалась неосуществимой, а революционно-освободительное движение со всей очевидностью выявило противоречие между законностью, в которой император видел опору сильной абсолютистской власти и политической свободой. Военные революции не только подорвали веру Александра I в позитивные возможности конституционной дипломатии, основанной на внешнеполитическом компромиссе и направленной на создание христианско-конституционной Европы в рамках Священного союза, но и продемонстрировали ему разрушительный итог развития европейской политической конспирации. В новых исторических условиях, когда по данным «спецслужб» все революционные выступления были подготовлены членами политических конспиративных объединений, сама модель тайного общества уже не казалась Александру I просветительско-реформаторским инструментом.

Это было не только прозрением. Думается, происходила прагматическая замена одной тактики укрепления российской государственности на другую. Доминирующим при принятии решения 1 августа 1822 г. оказывался внутриполитический фактор, связанный с новой политической концепцией власти. В обстановке социально-политической нестабильности в Европе и угрозы ее перенесения в Россию император, чувствуя вокруг себя «дыхание» революции, уже не считал целесообразным использование «реформистской терапии», но всё больше приходил к мысли, что даже адаптация либерально-просветительских принципов к российской реальности не способствует стабилизации, а наоборот, приводит к усилению антигосударственных и антиобщественных начал.

Выводы

1. Проблема тайных обществ в первой четверти XIX столетия была связана с проблемой реформ, различными моделями преобразовательной политики и изменениями представлений о внутренней безопасности России. Официальная позиция в отношении к ним являлась составной частью правительственного курса, обусловленного как стратегической долговременной задачей укрепления российской государственности, так и конкретными тактическими установками, связанными с изменениями политической конъюнктуры в Европе и России.

2. В отношении Александра I к движению тайных обществ совершенно четко просматриваются два периода. В первый период (1801 — начало 1820-х гг.)

предполагаемые политико-правовая реформа и подчиненные ей преобразования в государственном управлении и социальной сфере обусловливали общественную либерализацию. Являясь тактической установкой верховной власти, направленной на их идеологическую подготовку, она была подчинена задачам сохранения социального мира и внутренней безопасности Российской империи. В этот период общественные организации, в том числе нелегальные союзы, обладали несколькими функциями. Первой функцией становились не только «подготовка умов», но формирование гражданского самосознания, выражение некоторой гражданской свободы. Вторая функция, связанная с сущностью «александровского либерализма», направленного на корректировку и даже подмену либерально-просветительских постулатов, адаптацию их к российской национальной специфике, состояла во внешнем ограничении абсолютистской власти и подмене учреждения представительства развитием общественного мнения.

3. Второй период царствования Александра I (1822–1825 гг.) характеризуется изменением модели преобразовательной политики, приостановкой конституционного «строительства», более осторожным отношением верховной власти к конституционной проблеме, а значит — и к подчиненному ей вопросу об общественных объединениях, в том числе тайных обществах. Запущенный самим правительством механизм политического развития дворянства, формирования передового общественного мнения привел к тому, что социально-активная и политически развития часть дворянского общества стала настойчиво ставить вопрос о реализации конституционного права представительства. Неконтролируемые правительством социально-политические процессы в России и эскалация революционно-освободительного движения в Европе обусловили ужесточение правительственной политики в отношении общественной конспирации.

---

1 Цит. по: *Розенкампф Г. А.* Отрывки из автобиографии // Русская старина. 1904. Т. 120. № 10. С. 151.

2 *Чернов К. С.* Правительственный конституционализм первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I: Сборник научных статей. СПб., 2013. С. 172–173.

3 *Андреева Т. В.* Государственное управление России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2016. № 3 (11). С. 21–26, 58.

4 *Чернов К. С.* Правительственный конституционализм первой четверти XIX в. С. 174; *Андреева Т. В.* Государственное управление России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. С. 49–55.

5 Об Ордене иллюминатов: *Forestier Le R.* Les illuminés de Bavière et la Franc-Maconnerie allemande. 2-ed. Genèv, 1974; *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975. С. 261–267.

6 *Баррюэль А.* Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противухристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы: В 12 ч. Ч. 1. М., 1805. С. 13.

[7] *Жуковская Т. Н.* 1)»Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. V. СПб. — Кишинев, 2002. С. 63–67; 2) Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 181.

[8] Предисловие Искандера // Записки сенатора И. В. Лопухина. М., 1990. С. VIII.

[9] *Муравьев-Карский Н. Н.* Записки // Русский архив. 1885. Кн. 3. № 9. С. 25–27.

[10] 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 31–113, 242–300.

[11] Цит. по: *Чернов С. Н.* Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 25.

[12] *Майофис М.* Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1816 годов. М., 2008.

[13] Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1934. С. 460–461.

[14] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 274–276.

[15] *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 140.

[16] *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 219–231.

[17] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 277–278.

[18] *Жуковская Т. Н.* Мнимые тайные общества в контексте культуры, или Петрозаводский «парламент» 1821 года // Ситуации культурного перелома. Материалы научно-теоретического семинара. 24–16 апреля 1997 г. Петрозаводск, 1998. С. 120–125.

[19] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 282–369.

[20] *Мироненко С. В.* Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016. С. 48.

[21] *Парсамов В. С.* Семиотика террора (размышления над книгой М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана «Поэтика террора») (М., 1997) // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 19 / Под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 2001. С. 116–126.

[22] *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 166.

[23] Цит. по: *Попов А. Н.* Граф Местр и иезуиты в России // Русский архив. 1892. Кн. 2. № 6. С. 165.

[24] ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 127.

[25] *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000; *Кучурин В. В.* Из истории политической борьбы в начале XIX в.: нереализованный проект масонской реформы М. М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2016. № 3 (11). С. 6–18.

[26] *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. С. 72–74.

[27] Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии: В 16 вып. Вып. 11. СПб., 1902. С. 299–324.

[28] *Жуковская Т. Н.* Тайное общество декабристов: европейское влияние и российский контекст // Империя и либералы. (Материалы международной конференции). Сборник-эссе. СПб., 2001. С. 56–57.

[29] *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. 1-е изд. М., 2012. С. 266–282, 313–332, 372–382, 385–386.

[30] *Севастьянов Ф. Л.* Государственная безопасность есть предмет уважительный: Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб., 2016. С. 192–193.; *Иванов И. А.* «Нещастное и постыдное приключение» как предвестник восстания декабристов. «Семеновская история» 1820 г. в зеркале государственной безопасности // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 4 (16). С. 32–44.

[31] Письмо Александра I к графу Аракчееву по случаю приключения с Семеновским полком в 1820 г. Троппау. 5 ноября 1820 г. // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 63–65.

[32] Внешняя политика России XIX — начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 2: В 8 т. 1815–1830 гг. Т. 2 (10). М., 1979. С. 431–432; Там же. Т. 4 (12). М., 1981. С. 591.

[33] *Рахшмир П. Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. 2-е изд. Пермь, 2005. С. 170–175, 191–209.

[34] *Андреева Т. В.* Александр I и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. История. Вып. 4. С. 25–34.

[35] *Рахшмир П. Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. С. 198–200, 204–205.

[36] Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования: В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 558.

[37] Цит. по: Там же. С. 546.

[38] Цит. по: *Рахшмир П. Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. С. 207.

[39] Письмо Фердинанда VII Александру I от 26 мая 1821 г. Копия // ОР РНБ. Ф. 836. Д. 68. Л. 1–2.

[40] *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 427.

[41] *Андреева Т. В.* Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? // Власть, общество, армия от Павла I к Александру I. С. 203–219.

[42] *Мироненко С. В.* Александр I и декабристы. С. 59, 63, 149.

[43] *Шешин А. Б.* Основание Ордена восстановления // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 32–45.

References

ANDREEVA T. V. *Alexander I i mifologema «vseevropeyskogo zagovora revolucionerov».* [Alexander I and the myth of «The European conspiracy of revolution»] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2008. Seriâ 2. Istoriyâ. Vyp. 4. S. 25–34.

ANDREEVA T. V. *Alexander I i «Tajnoe obŝestvo» dekabristov. 1818–1825 gg: političeskayà tolerantnostʹ ili pragmatičeskie zadači?* [Alexander I and the «Secret society» of the Decembrists. 1818–1825: political tolerance or pragmatic goals?] // Vlastʹ, obŝestvo, armiâ ot Pavla I k Alexandru I: Sbornik naučnyh statey. St Petersburg, 2013. S. 203–219.

ANDREEVA T. V. *Tajnye obŝestva v Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitelʹstvennaâ politika i obŝestvennoe mnenie.* [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century: government policy and public opinion]. St Petersburg, 2009.

CHERNOV K. S. *Pravitelʹstvennyi konstitucionalizm pervoj četverti XIX v. (na primere «Gosudarstvennoi Ustavnoi Gramoty Possiyskoi imperii»)* [Government constitutionalism the first quarter of the 19th century (on the example of «the State charters of the Russian Empire»)] // Vlastʹ, obŝestvo, armiâ ot Pavla I k Alexander I: Sbornik naučnyh statey. St Petersburg, 2013. S. 172–180.

CHERNOV S. N. *U istokov russkogo osvoboditelʹnogo dviženiâ. Izbrannye statʹi po istorii dekabrizma.* [At the origins of the Russian liberation movement. Selected papers on the history of the Decembrists]. Saratov, 1960.

LANDA S. S. *Duh revolucionnyh preobrazovaniy... Iz istorii formirovanuyâ ideologii i političeskoy organizacii dekabristov. 1816–1825.* [Spirit of revolutionary change...: The history of the formation of ideology and political organization of the Decembrists. 1816–1825]. Moskow, 1975.

MIRONENKO S. V. *Alexander I i dekabristy. Rossia v pervoj četverti XIX veka. Vubor puti.* [Alexander I and the Decembrists. Russia in the first quarter of the 19th century. The choice of the way]. Moskow, 2016.

RAHSHMIR P. U. *Knâz Metternih: čelovek i politik.* [Prince Metternich: the man and the politician.] 2-e izd. Perm, 2005.

SEVASTYANOV F. L. *Gosudarstvennaj bezopasnostʹ es tʹ predmet uvaźitelʹnyi: Politicheskiy rozysk i kontro lʹ v Rossii ot Pavla I do Nikolaya I.* [The State security is the subject of respectful: Political investigation and control in Russia, from Paul I to Nicholas I]. St Petersburg, 2016.

ZHUKOVSKAYA T. N. *Pravitel'stvo i obŝestvo pri Alexander I* [Government and society under Alexander]. Petrozavodsk, 2002.

ZHUKOVSKAYA T. N. *Tajnoe obŝestvo dekabristov: evropeyskiye vliâniâ i rossiyskiy kontekst*. [The secret society of the Decembrists: the European influence and Russian context] // Imperiâ i liberaly. (Materialy mezhdunarodnoi naučnoi konferencii. St Petersburg, 2001. S. 52–64.

ZHUKOVSKAYA T. N. *Tajnye obŝestva pervoj treti XIX v. i organizacionnye modeli dekabrizma*. [«The secret society» the first third of the 19th century and the organizational model of the Decembrists] // 14 dekabrâ 1825 g. Istočniki. Issledovaniâ. Istoriografiâ. Bibliografiâ. Vyp. V. St Petersburg — Kishinev, 2002. S. 63–94.

Список литературы

Андреева Т. В. Александр I и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. История. Вып. 4. С. 25–34.

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Андреева Т. В. Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? // Власть, общество, армия от Павла I к Александру I: Сборник научных статей. СПб., 2013. С. 203–219.

Жуковская Т. Н. Тайное общество декабристов: европейские влияния и российский контекст // Империя и либералы. (Материалы международной конференции). СПб., 2001. С. 52–64.

Жуковская Т. Н. «Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. V. СПб. — Кишинев, 2002. С. 63–94.

Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.

Ланда С. С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975.

Мироненко С. В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016.

Рахшмир П. Ю. Князь Меттерних: человек и политик. 2-е изд. Пермь, 2005.

Севастьянов Ф. Л. Государственная безопасность есть предмет уважительный: Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб., 2016.

Чернов К. С. Правительственный конституционализм первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I: Сборник научных статей. СПб., 2013. С. 172–180.

Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960.

Т. В. Андреева. Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство

Статья посвящена анализу правительственной политики в отношении конспиративного движения в России первой четверти XIX в. в контексте проблемы внутренней безопасности страны, определению условий общественной либерализации в 1801 — начале 1820-х гг. и выявлению важнейших причин кризиса официального либерализма на «закате» александровского царствования. Предлагается новая интерпретация мотивации усиления правительством социальной активности и просвещения дворянства. Показано, что это было связано со стремлением Александра I к внешнему ограничению абсолютистской власти, адаптации либерально-просветительских идеалов и принципов к российской национальной специфики, подмене учреждения представительства развитием общественного мнения. Особое внимание уделено рассмотрению внутри- и внешнеполитических факторов смены официальной парадигмы, определению причин отказа Александра I от силового решения проблемы политической конспирации.

Ключевые слова: Россия, Александр I, государственная безопасность, правительственная политика, тайные общества.

T. V. Andreeva. Alexander I and internal security of the Russian Empire: government, secret societies and the nobility

The article is devoted to analysis of governmental policy in relation to safe movement in Russia in the first quarter of the 19th century in the context of internal security of the country, determining the conditions for social liberalization in 1801 — the beginning of the 1820s and identify the major causes of the crisis of liberalism in the official «sunset» of Alexander's reign. In the paper we propose a new interpretation of the motivation of the government has increased social activity and education of the nobility. It is shown that it was connected with the desire of Alexander I to the outer limit of absolute power, the adaptation of liberal educational ideals and principles of the national specificity, the substitution of the institution's mission development of public opinion. Special attention is given to consideration of internal and external factors changing the official paradigm, definition of the reasons for the failure of Alexander I from a military solution to the problems of political conspiracy.

***Key words**:* Russia, Alexander I, internal security, governmental policy, secret societies.

Андреева, Татьяна Васильевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Andreeva, Tatiana Vasilievna — Dr. of Sciences (History), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History, major scientist.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru